

ПОЛИТИКО-ДЕЛОВОЙ ЦИКЛ В БЕЛАРУСИ, ИЛИ ПОЛИТЭКОНОМИЯ ДОВЕРИЯ ПРЕЗИДЕНТУ

Александр Автушко-Сикорский

Резюме

Что является основой поддержки Александра Лукашенко со стороны белорусских граждан – уверенность в нем как в сильном харизматическом лидере, или исключительно прагматические ожидания относительно гарантии роста их доходов? Иными словами, влияет ли рост доходов белорусов на уровень доверия президенту? Зависит ли отношение граждан к централизованной социальной системе распределения благ от скорости роста их доходов, и как рост доходов влияет на геополитические ориентации белорусов? Данное исследование BISS косвенно подтверждает нашу более раннюю гипотезу о том, что причины поддержки белорусами политического статус-кво в целом тривиальны и опираются на рациональный расчет; «желание» рынка и другого президента у граждан страны появляется именно тогда, когда темпы материальной поддержки со стороны государства замедляются.

Убедившись в прагматичности белорусов, в данной работе BISS пришел к трем основным выводам:

- 1) Темпы роста реальной заработной платы напрямую влияют на уровень доверия президенту: увеличение темпов роста ведет к повышению уровня доверия, а их снижение — к уменьшению числа граждан, поддерживающих Александра Лукашенко. При этом показатели доверия президенту подвержены небольшим колебаниям, в целом не изменяющим описанную выше картину.
- 2) Темпы роста реальной заработной платы влияют на «рыночные» ориентации белорусов: с замедлением темпов роста увеличивается количество сторонников экономики с незначительным государственным регулированием. С ускорением темпов роста реальной заработной платы наблюдается противоположная тенденция: граждане хотят видеть в экономике присутствие «сильной руки» государства.
- 3) На динамику геополитических ориентаций белорусов темпы роста доходов прямо не влияют. Скорее, имеет место

воздействие нескольких сторонних факторов¹, для определения которых необходим анализ, выходящий за рамки данной работы.

¹ Подробному изучению этого вопроса будет посвящена одна из последующих работ БИСС.

Введение

В третьем квартале 2011 года электоральный рейтинг (количество граждан, готовых голосовать) и рейтинг доверия Александра Лукашенко опустились до минимального значения за всю историю его нахождения у власти. Акцент в данной работе сделан на 2011 год именно из-за пиковости падения рейтинга при максимальной волне кризиса. Согласно опросам НИСЭПИ, только 24,5% опрошенных заявили, что они доверяют действующему президенту, а голосовать за него, «случись выборы завтра», согласились бы только 20,5%. Тем самым был побит прошлый рекорд «недоверия», зафиксированный в первом квартале 2003 года – тогда 26% респондентов указали, что они доверяют президенту, а голосовать за него соглашались только 26,2% опрошенных.

В целом, серьезное падение уровня поддержки в 2011 году может быть объяснено экономическими проблемами населения, вызванными обесцениванием национальной валюты по отношению к доллару на 189%. Девальвационный «шок», и как следствие, значительное повышение цен и снижение уровня средней заработной платы, фактически означали нарушение властью обязательств в рамках социального контракта (Гайдук, К, Ракова, Е и др., 2006). Взаимосвязь падения доходов населения с уровнем поддержки президента подтверждается и другими данными: в третьем квартале 2011 года 61,2% опрошенных заявили, что в экономических проблемах страны они винят президента.

В то же время однозначный вывод о взаимосвязи между уровнем поддержки президента и размером заработной платы мы можем делать, говоря лишь об экономической ситуации 2011 года. Однако будет ли верно это утверждение, если проанализировать динамику рейтинга доверия в долгосрочной ретроспективе?

Целью данной исследовательской работы является анализ зависимости темпов роста реальной заработной платы от уровня поддержки президента населением, выраженным в рейтинге доверия главе государства. Кроме того, проводится анализ возможной взаимосвязи с геополитическими ориентациями белорусских граждан и отношением к действующей экономической системе Беларуси, а также анализируется влияние на рыночные предпочтения.

1. Политико-деловой цикл в демократических и авторитарных режимах

Понятие политико-делового цикла (*political business cycle*) впервые применил в своей работе Уильям Нордхауз (Nordhaus, 1975) для описания ситуации взаимосвязанности электоральной и экономической динамик. Политические лидеры, находящиеся у власти и заинтересованные в переизбрании, в предвыборные годы склонны к реализации ряда мер по искусственному стимулированию экономики, что положительно влияет на мнение избирателей относительно эффективности государственного управления. Избиратель, наблюдая улучшение экономической ситуации, отдает предпочтение кандидату от политической силы, непосредственно «обеспечившей» это улучшение. В послевыборные годы ранее принятые меры отменяются для исправления негативных диспропорций, возникших в экономике из-за принудительного стимулирования (Nordhaus, pp. 182-185). Перед следующими выборами ситуация повторяется, образуя цикл экономических колебаний, привязанный к электоральному календарю.

Существование политико-делового цикла было доказано для многих демократических стран в разные периоды их существования: взаимосвязь электоральной и экономической динамик была установлена путем анализа макроэкономических показателей для 60 демократий (Persson, Tabellini, 2002). Присутствие политико-делового цикла было показано, в том числе, в отдельных исследованиях по США (Nordhaus, 1975; Fair, 1978), а также по Новой Зеландии, Франции, Японии и Канаде (Nordhaus, 1975; Новая Зеландия, Франция и Япония исследовались также в Persson, Tabellini, 2000).

В то же время необходимость использования авторитарными правителями формально демократических процедур и институтов для легитимации собственного пребывания у власти (Gandhi, 2008, xviii) также вынуждает их прибегать к экономическим манипуляциям, привязанным к электоральным событиям². Так, подверженность структуры бюджетных расходов влиянию политико-делового цикла была установлена в странах Латинской Америки (Ames, 1987), в Турции (Asutay, 2004), Албании (Kaechelein, Lami, Imami, 2010), Малайзии (Pepinsky, 2007), Мексике (Gonzalez, 2002), Египте времен Мубарака (Blaydes, 2006; Youssef, 2012) и в ряде африканских стран (Block, 2002).

Политико-деловой цикл в разные периоды присутствовал также в некоторых посткоммунистических странах, например, в России (Zhuravskaya et al., 2002; Treisman, Gimpelson, 2001) и Украине (Verstyuk, 2004).

Существование политико-делового цикла в авторитарных режимах может показаться парадоксальным: зачем властям использовать электоральный подкуп в условиях, когда исход выборов и так предрешен? Использованию такой стратегии может быть два объяснения.

Во-первых, выборы имеют значение даже в авторитарных режимах: властям необходимо заручиться некоторым обеспеченным электоральным «кредитом», поскольку в случае массовых фальсификаций при де-факто большом проценте голосов, отданных за оппозиционных кандидатов, общественное мнение будет чувствительно к вмешательству в итоговые результаты выборов. Иными словами, население почувствует, что его обманули. Во-вторых, при большом проценте голосов, обеспеченных электоральным подкупом, граждане будут менее чувствительны к использованию властью стратегии подавления в отношении политических оппонентов.

² Легитимация собственной власти – только один из основных стимулов для сохранения квази-демократических институтов. Среди этих стимулов выделяют также необходимость демонстрации силы в результате победы (пусть фальсифицированной) на выборах (Geddes, 1999); наличие механизма отсева «своих» и «чужих», работающий по принципу демонстрации лояльности в те моменты, когда лидеру нужна поддержка (Brownlee, 2007); институциональная возможность кооптации оппозиционных политиков (Gandhi, 2008).

«Репертуар» экономических мер, используемых для влияния на электоральные предпочтения избирателей, разнится в зависимости от характеристик режима в конкретной стране. Так, в демократических странах независимость институтов экономического регулирования от органов исполнительной власти вынуждает политиков использовать меры косвенного влияния: снижение налогов, воздействие на уровень безработицы и инфляции. При этом «масштабы» используемых мер не одинаковы для демократий с разными формами правления и типом избирательных систем. Так, в странах с мажоритарной избирательной системой политические лидеры перед выборами урезают налоги гораздо сильнее, чем это делают лидеры в странах с пропорциональной системой, а также тратят больше средств на социальные программы (Persson, Tabellini, 2000, p. 11). Весьма схожие модели поведения присущи лидерам в президентских республиках, где снижение налогов и расширение социальных программ осуществляется в большей мере, нежели в парламентских (Ibid, p.12)

В свою очередь централизация органов управления в авторитарных государствах позволяет им использовать широкий спектр методов, направленных на покупку голосов: от реализации мер макроэкономического популизма (резкое повышение зарплат и социальных выплат, давление на инфляцию (Турция: Asutay, 2004, pp. 17-21), расширения программ субсидирования отсталых регионов и уязвимых социальных групп (Малайзия: Perinsky, 2007, pp. 145-148), снижения цен на электроэнергию (Албания: Kaechelein, Lami, Imami, 2011, pp. 12-15), до практически прямого предвыборного подкупа избирателей (раздача бесплатной еды и одежды в Египте: Blaydes, 2006). Более подробно о широких способах предвыборного подкупа на примере Турции и Египта смотрите в Приложении к данной работе.

2. Характеристики политико-делового цикла в Беларуси

Существование в Беларуси политико-делового цикла было продемонстрировано в работах исследовательского центра ИПМ (Крук Д., Пелипась И., Чубрик А., 2006). В качестве экономической меры для «покупки» голосов используется повышение темпов роста средней заработной платы и пенсий, и снижение темпов роста инфляции, что приводит к повышению темпа роста реальной заработной платы населения. Кроме этого, в предвыборный период в 1996 и 2001 годах происходило погашение задолженности по заработной плате. Стимулирование роста средней заработной платы в нужный момент времени становится возможным благодаря высокому уровню занятости работников в государственном секторе экономики и системе оплаты труда с использованием тарифной сетки³.

В послевыборный год происходит снижение темпов роста реальной заработной платы для компенсации перегрева экономики и исправления возникших диспропорций. В результате в динамике темпов роста реальной заработной платы возникает циклическая компонента областей роста-падения, хронологически привязанная к электоральным событиям. Циклическая компонента показана на рисунке 1 (подробнее о методологии выделения компоненты из ряда реальной заработной платы см. Крук Д., Пелипась И., Чубрик А., 2006, с.34).

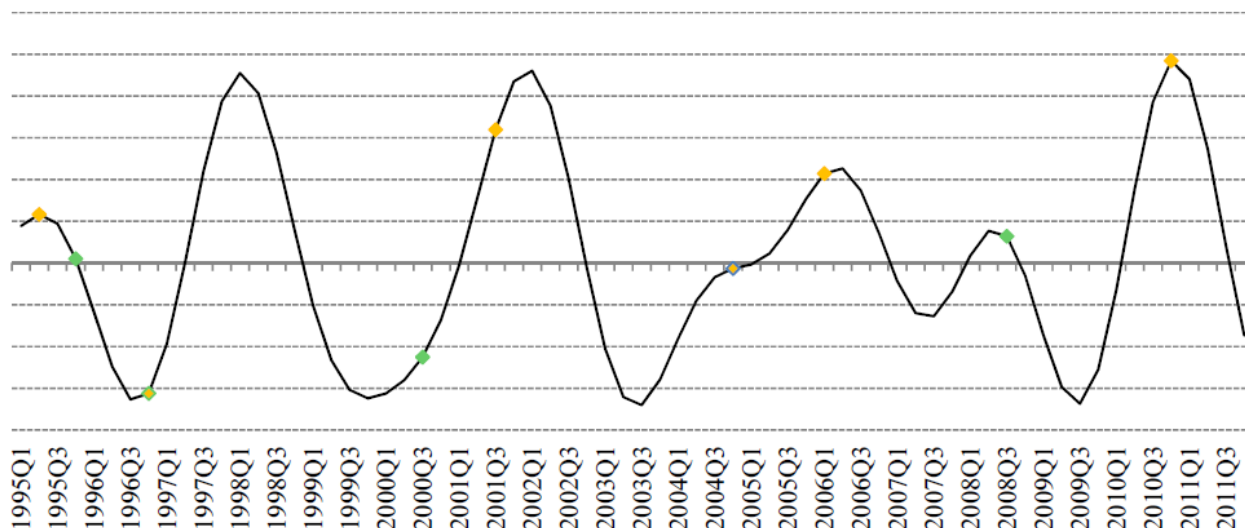

Рис.1. Циклическая компонента динамики темпов роста реальной заработной платы (логарифмическая шкала). Цветными маркерами на графике отображены электоральные события. Желтые: конституционные референдумы 1995 г. (май), 1996 г. (ноябрь), 2004 г. (октябрь) и президентские выборы 2001 г. (сентябрь), 2006 г. (март) и 2010 (декабрь). Зеленые точки: парламентские выборы 1995 г. (ноябрь-декабрь), 2000 г. (октябрь), 2004 г. (октябрь), 2008 г. (сентябрь), преобразование Верховного совета в Национальное собрание (после декабря 1996 г.)

Источник: Зарецкий А., Чубрик А., Шиманович Г., 2012, с.6.

К первому кварталу 2012 года цикл повторился пять раз, считая с третьего квартала 1996 года, с «шагом» цикла в 2-2,5 года. В дальнейшем в работе максимальный показатель реальной зарплаты в пределах одного цикла будет именоваться «пиком», а минимальный – «дном».

³ Материалы центра ИПМ используются в работе исключительно как исходные данные для последующего анализа влияния политико-делового цикла на отношение к власти, рыночной экономике, и на смену геополитических ориентаций белорусов.

3. Политико-деловой цикл и уровень доверия президенту в Беларуси

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что показатель уровня доверия президенту чувствителен к изменению темпов роста реальной заработной платы. Рисунок 2 демонстрирует соотношение кривых изменения реальной заработной платы и уровня доверия президенту с четвертого квартала 2000 года (начало «разгона» цикла перед президентскими выборами 2001 года) по первый квартал 2012 («яма недоверия» после перенесенного девальвационного шока).

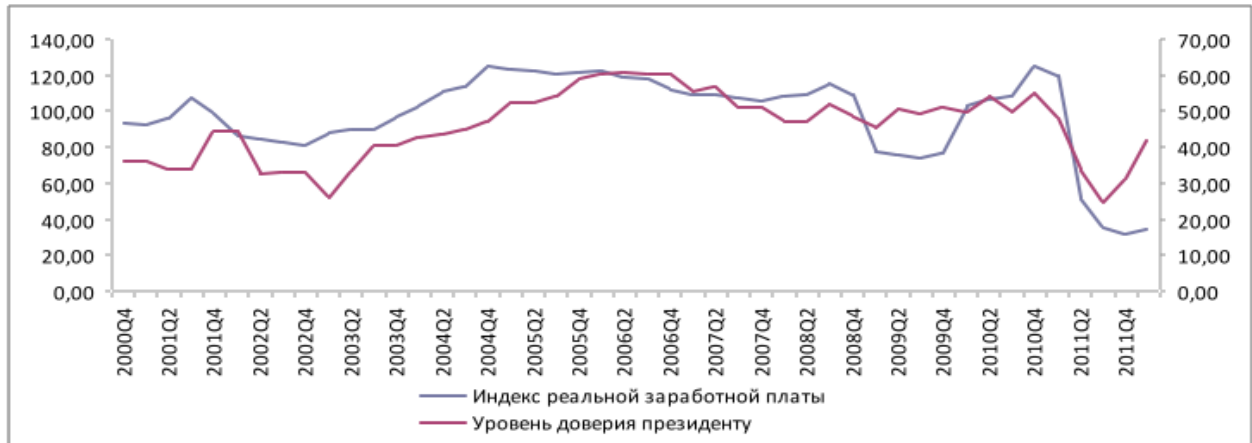

Рис. 2. График изменения уровня доверия президенту и темпов роста реальной заработной платы в Беларуси.

Источник: собственные расчеты на основе данных НБРБ и Белстата.

При анализе статистических зависимостей был получен высокий коэффициент корреляции ($r^2=0.646$). Графики демонстрируют весьма схожую динамику, но хронологически области роста-падения доверия «отстают» от реальной заработной платы. В целом, на изменение темпов роста заработной платы в момент t доверие реагирует в момент времени ($t + \text{квартал}$). Это объясняется тем, что совокупная оценка изменения доходов может быть осуществлена гражданами только по окончании определенного периода, а значит, отреагировать на него они могут только при проведении опроса в следующем периоде (т.е. в следующем квартале).

Более наглядно зависимость уровня доверия от цикличности изменения реальной заработной платы видна при наложении графика изменения доверия на кривую динамики реальной заработной платы с выделенной циклической компонентой (см. Рисунок 3).

Рис 3. Соотношение динамики доверия президенту с циклической компонентой реальной заработной платы. Источник: график изменения доверия – расчеты BISS на основании данных НИСЭПИ. Кривая политико-делового цикла (на графике обозначена черным цветом) заимствована из доклада исследовательского центра ИПМ (Зарецкий А., Чубрик А., Шиманович Г., 2012, с.6) и перемасштабирована для соответствия основным датам. Цветными маркерами обозначены основные электоральные события, примечания к ним см. в описании к рис. 1.

Период с четвертого квартала 2008 года по 4 квартал 2009 года является исключением из общей закономерности. 20%-ая девальвация белорусского рубля, проведенная 1 января 2009 года, вызвала соответствующее снижение темпов роста заработной платы: индекс реальной заработной платы в первом квартале 2009 года составил 77% по отношению к соответствующему периоду прошлого года. При этом уровень доверия в том же периоде упал всего на 3%, а во втором квартале 2009 не только «отыграл» потерянное, но и вырос на дополнительные 2,2% по сравнению с последним кварталом 2008.

Это несоответствие может быть объяснено успехом государственной идеологии. Девальвация 2009 года была удачно подана как необходимая мера, принятая под давлением мирового экономического кризиса. В итоге по результатам опроса НИСЭПИ в марте 2009 года 70,2% респондентов указали, что экономический кризис в Беларуси в значительной или полной мере вызван мировым финансовым кризисом, и только 52,1% обвинили в том же экономическую политику руководства страны.

Следует заметить, что реакция на изменение темпов роста доходов проявляется не только в колебании доверия президенту, но и в изменении отношения к «социальной» системе распределения благ в целом. Рисунок 4 демонстрирует динамику удельного веса сторонников рыночной экономики с незначительным государственным регулированием. Из графика видно, что падение количества сторонников рыночной экономики выпадает на пики политико-делового цикла, а рост — на каждое дно цикла. Иными словами, рост доходов в условиях существующей системы распределения благ укрепляет уверенность в ее эффективности, в то время как падение темпов роста заработной платы вызывает недоверие к ней.

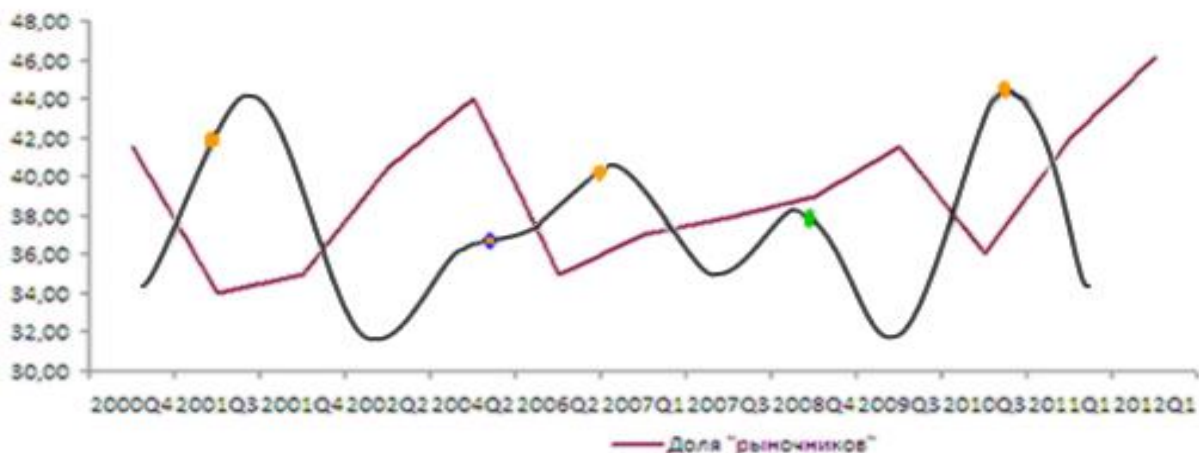

Рис. 4. Динамика удельного веса сторонников рыночной экономики с незначительным государственным регулированием. Кривая политико-делового цикла (на графике обозначена черным цветом) заимствована из доклада исследовательского центра ИПМ (Зарецкий А., Чубрик А., Шиманович Г., 2012, с.6) и перемасштабирована для соответствия основным датам. Цветными маркерами обозначены основные электоральные события, примечания к ним см. в описании к рис. 1.
Источник: расчеты BISS на основании данных НИСЭПИ.

Такая тенденция, выражающаяся в обратной зависимости темпов роста индивидуальных доходов и позитивного отношения к свободному рынку, может свидетельствовать о вероятно нескором появлении у белорусских граждан спроса на демократические перемены при сохранении достаточно высоких темпов экономического роста. Как показывают Пшеворски и Лимонджи (Przeworski, Limongi, 1997), экономический рост, обеспечивающий уровень ВВП на душу населения свыше \$4.000 (в ценах 1985 года; с учетом инфляции этот показатель составляет \$8.516) практически неизбежно ведет к либерализации режима под давлением «снизу». Экономический рост (по крайней мере, в капиталистических системах) рождает заинтересованность граждан в защите их доходов: они начинают требовать гарантий прав собственности, независимой судебной системы, четких «правил игры» для экономических агентов и предсказуемости поведения политического режима. Вероятно,

в Беларуси, с ее социалистически-смешанной моделью, мы имеем дело с другой причинно-следственной связью: рост благосостояния, обеспеченный патерналистским государством, делает большинство белорусов выгодоприобретателями, которые скорее заинтересованы в сохранении перераспределения, нежели в коренных изменениях.

При этом вероятность демократизации конкретного режима не растет непрерывно с повышением уровня доходов — график зависимости здесь имеет колоколообразную форму. При превышении планки в \$6.000 (с учетом инфляции — \$12.775) вероятность демократизации режима снижается. Беларусь, таким образом, прошла рубеж, за которым она оказалась подвержена «проклятию высоких доходов». В Беларуси при уровне ВВП на душу населения в \$15.200 наблюдается уже обратная тенденция, нежели та, что сопровождает рост в пределах от \$4.000 до \$6.000 (от \$8.516 до \$12.775 с учетом инфляции; Przeworski, Limongi, 1997, p.160): увеличение темпов роста доходов повышает количество сторонников централизованной системы распределения благ.

Иными словами, существующая в Беларуси политика перераспределения доходов сводит на нет демократизирующий потенциал экономического роста. Граждане становятся бенефициарами перераспределительной системы и не испытывают нужды в демократизации, поскольку обладают всем необходимым и в условиях авторитарного режима. Спрос на свободный рынок и на другого президента отсутствует до тех пор, пока сохраняется приемлемая скорость роста доходов, а посему экономический рост, скорее всего, не может рассматриваться как движущая сила демократических перемен в Беларуси.

Рисунок 5 демонстрирует динамику геополитических ориентаций белорусов (колебания «ЕС – Россия») и ее соотношение с политико-деловым циклом. На «максимумы» цикла приходится пиковое увеличение положительных отношений к России. В свою очередь, максимальное замедление темпов роста реальной заработной платы выпадает на те же периоды, что и увеличение прозападных настроений. Линия циклической компоненты реальной заработной платы не продлена дальше второго квартала 2011 года, однако хронологически рост геополитических ориентаций в российском «направлении» совпадает с новым разгоном темпов роста реальной заработной платы на фоне макроэкономической стабилизации и приближения парламентских выборов в 2012 году (с 270 долларов в третьем квартале 2011 года средняя заработная плата поднялась до 471 доллара в 3 квартале 2012, а темпы роста заработной платы в первом полугодии на 2,2% превысили темпы роста производительности труда).

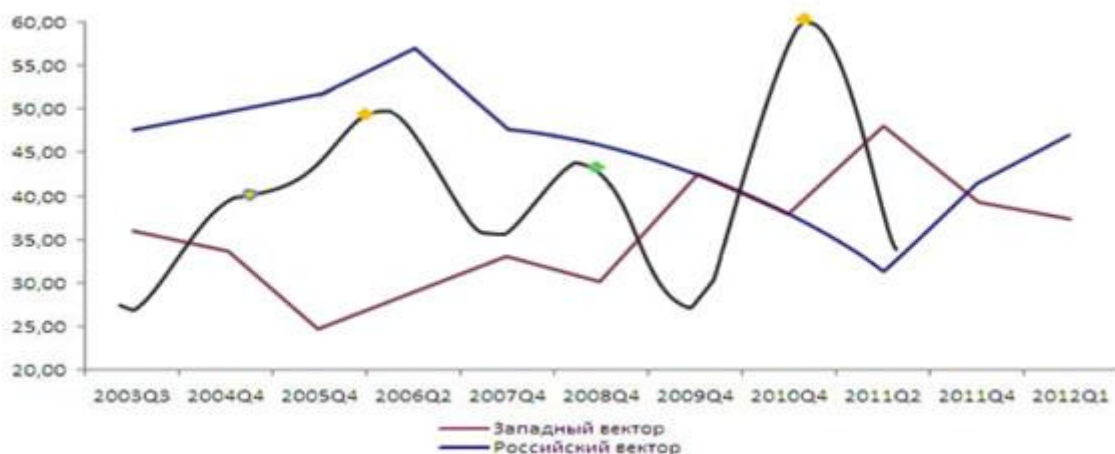

Рис. 5. Динамика ответов на вопрос: "Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступление в Евросоюз, что бы Вы выбрали?", %. Кривая политико-делового цикла (на графике обозначена черным цветом) заимствована из доклада исследовательского центра ИПМ (Зарецкий А., Чубрик А., Шиманович Г., 2012, с.6) и перемасштабирована для соответствия основным датам. Цветными маркерами обозначены основные электоральные события, примечания см. в описании к рис. 1.

Источник: НИСЭПИ, 2012.

Эта зависимость, однако, не является прямой – геополитический выбор формируется не столько ускорением темпов роста доходов, сколько сторонними факторами, сопутствующими электоральному календарю, одним из которых является риторика белорусских властей.

Так, выборам чаще всего сопутствует негативная риторика в адрес Запада, появляющаяся в качестве ответа на обвинения в фальсификациях итогов голосования. Одновременно с этим хронологически дно циклов в ряде случаев совпадает с ухудшением условий (точнее — неясностью перспектив) получения российской нефтегазовой ренты, что, в свою очередь, влечет за собой ужесточение риторики в адрес России. Например, дно политико-делового цикла, выпадающее на 2004 и 2007 годы, – период так называемых «газовых войн» с Россией. В то же время 2010 год вообще выпадает из предшествующей закономерности, когда рост доходов повышал пророссийские настроения. Свою роль здесь снова сыграл новый виток «газовой» войны. Падение прозападного вектора геополитических ориентаций в 2012 году связано с дипломатическим скандалом и расширением санкций, выпавшими на весну, а рост позитивных отношений к России — с практически полным отсутствием официальных «выпадов» в ее адрес.

Иными словами, изменение геополитических ориентаций белорусов, хотя хронологически и совпадает с колебаниями политико-делового цикла, вызвано не монетарными факторами, и в целом требует дополнительного анализа, включающего в себя более широкий набор параметров для оценки.

Выводы

Выше была показана зависимость уровня поддержки президента от колебаний темпов роста реальных доходов: доверие президенту падает с их замедлением и растет в моменты «разгона» политико-делового цикла. Иными словами, мы можем сделать вывод, что на протяжении более чем десяти лет белорусы остаются весьма прагматичными и склонными менять лояльность на соответствующий уровень покупательской способности.

Однако, учитывая то, что в Беларуси колебания политико-делового цикла вызывают изменение уровня доверия к «социально-ориентированной» экономической системе, к предыдущему утверждению возникает несколько уточнений.

Как это показано в работе Лукаса и Раппинга (Lucas, Rapping, 1972, p.117), повышение доходов на пике политико-делового цикла никак не будет влиять на отношение индивида к проводимому экономическому курсу при снижении темпов роста доходов и выходе на дно цикла. Проще говоря, обнаружив понижение уровня доходов, потребитель будет склонен критиковать экономическую политику без оглядки на прошлый период, в течение которого он получил сверхдоходы. При этом оценка экономического курса каждый раз будет менее сдержанной при условии цикличности чередования периодов роста с периодами спада.

В то же время в Беларуси мы наблюдаем ситуацию «устойчивой» цикличности: хотя потребитель осознает наличие периодов колебания динамики доходов (и понимая, что за ростом последует снижение), в моменты их роста он демонстрирует повышенную лояльность властям, что выражается в росте рейтинга доверия. И поскольку существование ситуации абсолютно рациональной торговли лояльностью маловероятно (иными словами, паттерн поведения «когда у меня вырастет зарплата, тогда и только тогда я буду поддерживать власть» вряд ли существует), колебания доверия выступают не только как оценка эффективности экономической политики «здесь и сейчас», но и как индикатор уверенности граждан в способности власти выполнять обязательства по социальному контракту.

Приложение.

Политико-деловой цикл и методы покупки голосов: случай Турции и Египта

Египет

Одним из ярких примеров использования широкого набора мер для покупки голосов в предвыборные годы является режим Хосни Мубарака в Египте. Кроме мер по сдерживанию инфляции и манипуляций с курсом валют, за двадцатипятилетний период его правления правительство регулярно использовало несколько методик для влияния на электоральное поведение граждан (Blaydes, 2006, pp. 6-14):

1) Система ежегодных бонусов. В Египте существует система ежегодного денежного премирования (аналог тринадцатой зарплаты в Беларуси), действующая для работников государственного сектора. В период с 1984 по 2005 годы перед выборами происходило повышение размеров бонусов в среднем на 10 процентов, достигнув максимального повышения в 33 процента перед выборами 1984 года.

2) Пенсионные выплаты. В предвыборные годы происходило, во-первых, повышение размеров пенсионных выплат, во-вторых, снижение возраста выхода на пенсию и минимального количества лет стажа, необходимого для получения пенсии. В разные годы для пенсионеров были введены дополнительные бонусы при наличии в семье школьника или студента. В целом возраст выхода на пенсию в период с 1974 по 1987 гг был снижен на 4 года, а пенсионные выплаты ежегодно поднимались на сумму от 10 до 20 процентов.

3) Зарплаты и отраслевые бонусы. Еще одним приемом покупки голосов стало предвыборное повышение зарплаты и бонусные выплаты работникам некоторых сфер государственного сектора. Так, перед парламентскими выборами 1984 года разовые выплаты были предоставлены членам профсоюзов учителей, а сотрудникам министерств зарплата была повышена на 15-20%. В 1987 году бонусы были выплачены почтовым работникам; в 2005 году зарплаты работникам низшего звена в госучреждениях были удвоены, а многие из них были переведены на более высокие должности.

4) Субсидирование фермерства и послабления для малого бизнеса. Здесь правительство использовало три основных метода покупки лояльности в предвыборные годы: бонусные выплаты членам профсоюзов работников сельского хозяйства, «прощение» задолженностей по кредитам, иногда доходившее до снижения общей суммы выплаты по кредиту до 50%, а также увеличение квот на выращивание некоторых культур. Аналогично этому в предвыборные годы снижался уровень налогов для владельцев мелкого бизнеса и повышалась доступность кредитов.

5) Подкуп населения за счет предоставления материальных благ. Начиная с 2000-х годов, египетским правительством использовался прием прямого подкупа населения. Так, на оппозиционных митингах активистам и проправительственной партии NDP раздавали обувь, шариковые ручки, CD-диски и мобильные телефоны. Кроме того, непосредственно перед парламентскими выборами 2005 года, выпавшими на месяц Рамадан, в Каире и Гизе кандидатами от NDP организовывалась бесплатная доставка пищи семьям в бедных районах городов.

Турция

Кроме макроэкономических манипуляций, в Турции использовалось несколько методик предвыборного подкупа, в основном сводящиеся к перераспределению социальных благ в пользу лояльных групп и индивидов (Asutay, 2006, pp. 13-19).

1) Система политического патронажа. В годы правления партии DP (1950-ые) практиковалась раздача дефицитных товаров среди граждан, открыто демонстрировавших лояльность правящей партии; продажа валюты по заниженному курсу и повышение импортных квот для бизнеса, участвующего в финансировании партии; прием на работу в государственные учреждения и state-owned бизнес в первую очередь граждан, симпатизирующих правящей партии.

В то же время, партией JDP практиковалось повышение финансирования отдельных регионов страны, в которых уровень поддержки партии был выше, нежели в других. Кроме того, в разные годы правительством инициировались массовые закупки у фермеров сельскохозяйственных продуктов в период сразу после сбора урожая, которые производились по завышенным ценам.

2) Региональные инициативы. Для повышения лояльности правящей партии или электоральной поддержки конкретного партийного кандидата в отдельном регионе правительство инициировало региональные проекты развития, чаще всего направленные на развитие местной инфраструктуры или постройку важного здания общественного назначения: школы, больницы. Такого рода инициативы осуществлялись исключительно перед выборами, причем необходимость их проведения для подкупа избирателей иногда доводила ситуацию до абсурда. Так, в Стамбуле проект постройки дорог был «подделан» для широкой общественности: помпезное открытие начала строительства было проведено, однако сама постройка дороги не начиналась и даже не задумывалась.

Региональные инициативы также включали в себя проекты по распределению общественных благ: предоставление бесплатных семян высокого качества фермерам, улучшение качества стройматериалов, используемых на стройках в регионе и т.д.

3) Массовое снижение цен на товары. Большинство крупнейших промышленных компаний, зачастую являющихся монополистами, а также крупных банков до начала внедрения в 1980-х программы приватизации принадлежали государству. Однако даже после приватизации многих предприятий, множество крупнейших компаний и конгломератов остаются в собственности турецкого государства. Высокая доля государственного сектора в экономике дает возможность в необходимый момент времени снижать цены на товары широкого потребления и дефицитные товары.

4) Искусственное влияние на безработицу. В разные периоды в предвыборные годы правительство Турции использовало ряд методов для влияния на безработицу и повышение занятости в государственном секторе. Так, в 2002 году специальным указом было объявлено о наборе дополнительных 36.000 служащих на государственные предприятия.

Литература:

1. Зарецкий А., Чубрик А., Шиманович Г. *Среднесрочные перспективы экономики Беларуси после кризиса платежного баланса*. WP/12/03. Минск, исследовательский центр ИПМ.
2. Крук Д., Пелипась И., Чубрик А. (2006). *Основные макроэкономические взаимосвязи в экономике Беларуси: результаты эконометрического моделирования*. Минск, Исследовательский центр ИПМ.
3. НИСЭПИ. *Ветер с востока*. Аналитический отчет. Режим доступа: <http://www.iiseeps.org/press5.html>.
4. *Социальные контракты в современной Беларуси*. Под ред. К. Гайдука, Е. Раковой, В. Силицкого. СПб.: Невский простор, 2009.
5. Ames, Barry. 1987. *Political Survival*. Berkeley: University of California Press.
6. Asutay, M. 2004. *Searching for Opportunistic Political Business Cycles in Turkey*. Paper presented at the European Public Choice Society (EPCS).
7. Asutay, M. 2006. *Deconstructing and moderating the functioning and consequences of political manipulation of the economy in Turkey*. Paper presented at the 26th Annual Meeting of the European Public Choice Society.
8. Blaydes, L. 2006. *Electoral Budget Cycles under Authoritarianism: Economic Opportunism in Mubarak's Egypt*. Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago IL, 2006.
9. Block, S. A., 2002. *Political business cycles, democratization, and economic reform: the case of Africa*. *Journal of Development Economics*, 67(1), 205-228.
10. Brownlee, J. 2007. *Authoritarianism in the Age of Democratization*. New York: Cambridge University Press.
11. Fair, R. 1978. *The effect of economic events on votes for president*. *Review of Economics and Statistics*, 60, 159-72.
12. Gandhi, Jennifer. 2008. *Political Institutions under Dictatorship*. New York: Cambridge University Press.
13. Geddes, Barbara. 1999. *What do we know about Democratization after twenty years?* *Annual Review of Political Science*, 2, 115-144.
14. Gonzalez, Maria de Los Angeles. 2002. *Do Changes in Democracy Affect the Political Budget Cycle? Evidence from Mexico*. *Review of Development Economics*, 6(2), 204-24.
15. Kächelein, H., Imami, D., Lami, E., 2010. *Elections Related Cycles in Publicly Supplied Goods in Albania*. Bamberg Economic Research group, Working paper No.71.
16. Lucas, R., Rapping, L. 1972. *Expectations and Neutrality of Money*. *Journal of Economic Theory*, 4 (2), 103-124.
17. Nordhaus, W. 1975. *The political business cycle*. *Review of Economic Studies*, 42, 169-90.

-
18. Pepinsky, T. 2007. *Autocracy, Elections, and Fiscal Policy: Evidence from Malaysia*. *Studies in Comparative International Development*, 42(1-2), 136–163.
 19. Persson, T., Tabellini, G. 2002. *Do Electoral Cycles Differ Across Political Systems?* Working paper.
 20. Przeworski, A., Limongi, F. 1997. *Modernization: theories and facts*. *World Politics*, 49(2), 155-183.
 21. Treisman, D., Gimpelson, V., 2001. *Political business cycles and Russian elections, or the manipulations of "Chudar"*. *British Journal of political science*, 31, pp. 225-246.
 22. Verstyuk, S. 2004. *Electoral cycles in Ukraine*. Economics Education and Research Consortium final report.
 23. Youssef, H. 2012. *Fiscal manipulation in non-democratic regimes: the case of Egypt*. Paper preliminary draft.
 24. Zhuravskaya E., Akhmedov, A., Ravichev, A. 2002. *Regional political cycles in Russia*. Paper presented on at the Annual Conference on Transition Economics, 2002.